

Аргынбай

Бекбосын

ТЕЧЕТ РЕКА ТАЛАС...

(Записки бывшего ученика бывшей «Красной школы»)

I

Интересный характер у нашей реки Талас, берущей начало где-то в снежных вершинах каменных громад седоглавого Алатау. То, гневно грохоча, образует из своих строптивых волн белопенистые буруны, которыми буйно подмывает оба берега, то, тихо и мирно клокоча, играючи создает немислимое, только ей самой понятное переплетение из тысяч мелких и тонких струй. Не только интересный, но и сложный характер. Наверное, это потому, что она является и горной, и степной рекой одновременно.

Не менее интересно и очертание ее русла. Извилистое, с бесчисленными извилинами. Только по своему усмотрению река сделала его таким, наверное, тысячи, а может, миллионы лет назад, пробиваясь сквозь бесконечные барханы песков Мойынкумы. И в этом своем вечном стремлении будто делает глубокий реверанс древнему сказочному городищу Туймекент, огибая его с западной стороны.

Туймекент... Вот он – гряды безмолвных курганов, по велению времени превратившиеся в бесформенные бугры, холмы. Они даже этим молчаливым и загадочным видом своим открывают перед мысленным взором любознательного путника пространную картину древнего города Востока с его базарами и караван-сараями для торговых людей и дервишей из разных стран на Великом Шелковом пути. И в то же время каким-то неизвестным чудом для путников как будто воспроизводятся и эхом отдаются разноязычные голоса давным-давно ушедших людей, одетых в разноцветные нехитрые костюмы... А вот и сама Туйме, юная красавица, единственная дочь местного правителя, за обладание сердцем которой сражались богатыри-джигиты. Старая легенда гласит, что после отца она сама правила этим краем. Как сложилась личная жизнь, какова ее дальнейшая судьба? Была ли она счастлива в мире брэнном? Не наступила ли ее какая-то трагедия, подобная трагедии древнеегипетской Клеопатры?.. Что оставила после себя? Несметное богатство? Потомков? Возможно, непревзойденную по своей красоте и лиричности песню, блуждающую до сих пор в космических вихрях?.. Ничего не известно об этом. Известно лишь одно: она оставила свое светлое имя в памяти народной, связав навечно его с родным краем – Туймекент, Туймеград...

В метрах 200-300 от него начинается довольно крупное поселение. Тоже Туймекент, но другой, сравнительно новый, основанный в последней четверти XIX века русскими и украинскими переселенцами, выходцами из царской России. А это стало возможным после освобождения юга Казахстана от кокандского ига отрядом генерала Черняева (которого, кстати, Лев Толстой назвал «подлым офицером») при содействии восставших казахов во главе с Акмолдой батыром, сыном славного Байзака, предводителя местных крупных родов Старшего жуза который в преклонном возрасте погиб в борьбе за освобождение своего народа. Правда, переселенцы новое село назвали не Туймекентом, а Шаповаловкой. Быть может, оттого, что среди них было большинство семейств Шаповаловых? Но немало было и тех, которые носили фамилии Шестаков, Юрченко, Стародубцев, Романцев, Приходченко, Пономарев, Демченко, Зинченко, Иващенко, Кучеренко, Куценко и другие. Выходцы из разных губерний. Разные люди разных возрастов. Однако их всех объединяло одно святое дело: крестьянский труд, за что и взялись дружно. Пахали, сеяли, пожинали. Использовали для полива воду из Байзак-тогана – канала, прорытого когда-то казахами по приказанию Байзака Мамбет-улы. Обзавелись скотом, заимствованным у тех же казахов. На основе хозяйственных отношений постепенно налаживались межэтнические, культурные связи. Русские и украинцы начали осваивать казахский язык, а коренные – смешанный русско-украинский язык.

В таких благоприятных условиях разрасталась и Шаповаловка. На общинных началах была построена церковно-приходская школа. Появились свои богатеи, среди которых наиболее продвинутой была молодая вдова, красавица Ефросинья Шаповалова. Кроме крестьянского хозяйства она занималась и коммерцией: открыла несколько лавок не только в Шаповаловке, но и в Михайловке, в уездном центре Аулие-Ата. Нашла и фельдшера для обслуживания переселенцев и казахского населения. И вот она пригласила на работу моего отца в качестве, если сказать современным языком, менеджера. Чем понравился ей тогда еще молодой Бекбосын, часто приезжающий из Карасу на шаповаловский базар на своем единственном вороном скакуне? Внешним видом своим? Был он высоким, стройным, с большими карими глазами на светлом, слегка румяном от природы лице. Или грамотностью, чистоплотностью? Он неплохо владел русским языком. Может, авторитетом, который он имел у своих соплеменников, постоянных клиентов ефросиньиных лавок?.. Как бы там ни было, Ефросинья полностью доверилась Бекбосыну. У последнего со временем тоже появилась предпринимательская жила. Особенно в годы так называемого НЭПа. Отец целыми табунами и отарами гнал скот, закупленный в своем округе, в Ташкент. Там на вырученные деньги приобретал ткани и вату тюками. А из них жена Теберик – моя мать – и жены младших братьев отца, а их было четверо, шили на швейных машинах «Зингер» одежду для местного населения. Все товары, изготовленные в своеобразном семейном швейном цехе, реализовывались за скот. И снова Ташкент... Вот тебе Маркс, вот тебе и добавочная стоимость... В результате такого интенсивного товарооборота у отца и его братьев накопилось немалое богатство. Но вскоре это богатство обернулось бедой – конфискация, экспроприация баев-кулаков. В новосозданную сельхозартель Бекбосын отдал около четырехсот лошадей и много мелкого скота, сам чуть не угодил в Сибирь. Местные «бельсенды» («активисты») разобрали даже домашнее имущество.

В память врезался один случай. Вскоре после кончины отца в 1947 году, а мне тогда было десять лет, мы с матерью, не знаю по какому делу, посетили дом одного сверстника родителей. Помнится, что он не особенно пожаловал нас. Держался высокомерно, веяло от него каким-то холодком, абсолютно не свойственным людям аксакаловского возраста. Не знаю, о чем говорила мать с ним и его женой, а я с его сыном, своим сверстником, немного поиграл во дворе в альчики-асыки. Мать скоро вышла из дома, и мы пошли обратно. Вдруг слышу всхлип. Смотрю на мать. Она платком вытирает обильные слезы. Мне стало не по себе.

– Скажи, они оскорбили тебя?

– Нет-нет, ничего, сынок... Я так, просто разволновалась...

Но этого ответа детское сердце никак не воспринимало. Я донимал ее вопросами. Наконец-то, чуть успокоившись, она сказала:

– У них там стояла деревянная кровать, инкрустированная слоновой костью.

Она была нашей... Когда-то твой отец привез ее из Ташкента...

Мать снова не сдержалась, и слезы медленно текли по ее постаревшему, светлому лицу...

Все это было позже. А тогда, в благополучные ефросиньины годы, к расцветающей Шаповаловке издалека медленно, но уверенно приближалась буря, со страшной силой безжалостно сметающая все на своем пути. Буря Октябрьской революции. Под ее алыми стягами переменилось все – и государственный строй, и классовые пласты, незаслуженно ломались судьбы людские. Какая участь постигла знаменитую в округе Ефросинью Федоровну? Как сложилась дальнейшая судьба ее? Да и вообще, продолжился ли жизненный путь этой прекрасной женщины, так много сделавшей для края, который и для нее стал родным?.. Ничего неизвестно. Во всяком случае, я ничего не знаю. Возможно, из-за того, что о жертвах и репрессиях революции раньше предпочитали молчать.

Да, после Октября 1917 года все изменилось. Изменились и названия многих городов и сел. Шаповаловка стала Буденновкой. А в хрущевские времена изменилось и это название. Великому кремлевскому волонтеру, видимо, не особенно нравились имена и фамилии соратников Сталина, в их числе и усатого маршала-кавалериста. И тогда местное начальство, кажется, ломало голову: а как переименовать Буденновку? Какое название дать орденоносному крупному колхозу не только района, но и области?.. Тут-то, видимо, нашелся один «мудрец»: давай дадим ему название Акжар, отобрав его у соседнего аула? Аул небольшой, как-нибудь обойдется... Сказано – всё, утверждено. Шли годы. Только в начале девяностых знатные туймекентцы-шаповаловцы-буденновцы-акжарцы задумались: «Э-э-э, сколько еще будем жить с чужим, по существу, ворованным названием?.. Давайте-ка лучше возродим стародавнее название – Туймекент?..». На этом и сошлись. Ну, и слава Аллаху...

II

...Талас, как бы не желая расставаться с возрожденным Туймекентом, долго огибает его уже уравновешенными, усмиренными волнами. Долго потому, что село огромное, со множеством длиннющих, местами кривоватых улиц. Вот улица Ленина, выходящая в сторону нашего аула Карасу. Длинная-предлинная. Порой и сейчас поражаюсь, как мне, шестилетнему мальчику, тогда, ранней весной сорок третьего, удалось бегом, без передышки пройти ее?.. А дело было так. Однажды в

воскресный день отец, посадив меня на ишака позади себя, отправился в Буденновку на базар. Не знаю, зачем. Купить чего-то, насколько я знаю, не было денег, а продавать нечего. Наверное, отца на базар потянули старые воспоминания, ведь он когда-то там занимался торговыми делами Ефросиньи. Иначе что? Сам еще не оправился как следует от болезни, приобретенной во время двухмесячного перегона верхом огромного количества лошадей из Монголии в суровую зиму сорок второго года. Был слабым, болезненным. Из-за плохого здоровья он уже не был колхозным табунщиком, а на ишаке возил почту из Буденновки, в которой нередко были и похоронки. Кстати, черные вести о гибели своего младшего брата Копбосына в Сталинградском сражении, затем своего старшего сына, моего брата Ашима в Западной Украине привез он сам. Пожалуй, нетрудно представить себе, какими ударами были эти вести для него, шестидесятилетнего человека, пережившего на своем веку немало зла...

...Вот мы и на базаре. Мое внимание сразу привлекли маленькие черные блестящие ботинки, которые держала одна русская старушка. До сих пор перед глазами ее слабые, бледные руки, которые слегка дрожали от холода или от голода. А желание приобрести эти блестящие с черными шнурками ботинки и красоваться в них усиливалось ежеминутно, даже начало обжигать меня.

– Ата, купи мне эти ботинки! – уговариваю отца.

– О-ой, балам, нету же у нас денег. Потерпи немножко.

– Потом не будет же их!

– Будут. Успокойся, сынок.

Нет, я не успокоился. Не помню, как вырвал из рук старушки ботинки и побежал, как сумасшедший. Бежал, не останавливаясь и не обращая внимания ни на что: ни на грязь, ни на лающих собак. Отдышался только в конце длинной Ленинской улицы, на окраине Буденновки. Дальше уже более спокойно шел по шоссе, окаймленному высокими-высокими тополями...

Через пару часов вернулся и отец. Но в одном бешмете, без своей большой оранжевой шубы, сшитой из дубленой овчины. Посмотрев на меня, грустно улыбнулся:

– Ай-й, балам-ай... Ну, что ж, с обновкой тебя, айналайын...

На следующий день утром он, погрузив на ишака небольшой мешок с кукурузой, но уже без меня, отправился в Буденновку. К полудню возвратился. На плечах была оранжевая большая шуба... Несколько лет спустя после кончины отца, уже немного повзрослев, много думал с горечью: «Как тебе, человеку, в свое время владевшему огромным богатством, больно было на душе, когда ты не имел возможности подарить маленькую вещицу своему малолетнему сынку, ставшему единственным после гибели старшего на фронте! Прости, прости меня, отец родной мой!..».

Такие вот многослойные воспоминания, вызывая то улыбку, то грусть и тоску, овладевают мною каждый раз, когда еду из Тараза через Туймекент в родной аул Карасу, чаще всего для очередного посещения могил отца и матери, чего не мог делать долгие годы во времена работы в Алматы и Астане. И особенно при виде большого старинного дома, сложенного из красного кирпича старого образца под жестяной крышей. Вот она – школа наша, «Красная школа»!.. Это та самая церковно-приходская, после революции превращенная в советскую, светскую. Неизвестно, почему ее называли красной. Может, потому, что построена из крас-

ного кирпича? А может, этим названием местные большевики хотели придать ей революционную окраску?.. Возможно. Как бы там ни было, она за вековое свое существование пережила очень многое. Среди ее питомцев – Герой Советского Союза Агадил Суханбаев, несколько Героев Социалистического Труда, герои Великой Отечественной войны и трудового фронта, три депутата Верховного Совета СССР, два депутата Верховного Совета Казахской ССР (не считая меня, бывшего депутата Верховного Совета и Парламента РК), генерал-майор полиции три доктора наук, немало армейских старших офицеров – летчиков и моряков, несколько известных журналистов, руководителей различных органов, десятки, если не сотни педагогов и врачей, сельхозспециалистов... А сколько она, в шестидесятые годы ставшая СПТУ, выпустила из своих стен механизаторов, электриков, токарей и слесарей?! И эти стены каким-то образом, оказывается, в девяностые годы отошли в частные руки!..

Вот уже четвертый год я с болью в сердце вспоминаю посещение родной школы.

...Была весна. Бурлил Талас после зимней спячки, с каждым днем становясь более полноводным. Зеленела степь, атели островки тюльпанов. Деревья на улицах пышно распустили свои листья. Пернатые тянули разноголосые бесконечные песни... В общем, в вечно живой природе, так прекрасно, безупречно созданной самим Богом, царствовала какая-то возвышенная атмосфера. И у меня тоже было соответствующее настроение. Но ему был моментально положен конец, как только переступил порог своей, вечно дорогой мне, школы. Из первой комнаты справа по коридору через полуоткрытую дверь белела помятая простыня на неубранной кровати, валялась какая-то домашняя утварь. Воздух стал тяжелым, с примесью не очень приятного запаха... Следующая комната – это наш пятый класс! – с распахнутой настезь дверь, – оказывается, магазин. На стене, на которой висела когда-то наша черная доска, по полкам разместились разные сорта сигарет и водки... «О, Аллах!..» – вырвалось у меня из груди. В этот момент почувствовал я себя оскорбленным, униженным. До основания. «Во что же превратили тебя, «Красная школа», милая моя?! Ведь в твоих вот этих комнатах нас, еще несмышленных, наши незабвенные учителя учили знаниям, уму-разуму, нравственности. От всего сердца старались сделать из нас, из еще сырого материала, полноценных Человеков!..».

В состоянии такого душевного волнения я и не заметил, как вдруг куда-то улетучились проклятые сигареты и водка, пропала и девушка-торгаш вместе со своими покупателями. Я перестал их видеть и слышать. Перед моим взором появились шумной ватагой мои соклассники, в основном в ватных фуфайках, в кирзовых сапогах и старых солдатских ушанках... За ними спокойно вошли в класс строгие внешне, милосердные внутренне наши учителя. Кто в новом цивильном костюме, кто в поношенном офицерском кителе... «Здравствуйте, здравствуйте...». Я мысленно приветствовал каждого из них... Впервые русское слово приветствия я, выпускник карасуской начальной школы, произнес 1 сентября 1948 года на казахский лад: «Здрасте». Произнес здесь, в «Красной школе».

...Перед началом первого урока мы, ребята, кроме буденновцев, собравшиеся из окрестных аулов Жанатурмыс, Фрунзе, Коккозек, Тегистик, Кокбастау, Акжар, Дихан, Курама, стояли во дворе школы. Вдруг вижу – идет стройная женщина с очень красивым лицом, опрятно одетая (впоследствии, судя по схожести, я срав-

нивал ее с Мариной Ладыниной, кинозвездой первой величины, замечательно сыгравшей в популярных фильмах тех лет – «Трактористы», «В шесть часов вечера после войны», «Падение Берлина», «Кубанские казаки»). Я сразу узнал ее – это была тетя Ядвига. Кажется, в сорок третьем она с сыном Арвидом и дочкой Эрной, которые были моих лет, поселились в одной комнате нашего небольшого домика. Родители мои относились к ним очень благодушно.

Тетя Ядвига вместе с моей матерью с утра до вечера работали на колхозном свекловичном поле. А мы, дети, быстро подружились и вместе играли. Благо, что у нас была одна большая черно-белая корова с теленком. И ее молока хватало нам всем. Так вместе с немецкой семьей, эвакуированной из Поволжья, прожили целый год. Затем они переехали в Буденновку, сказывали, что там тетя Ядвига стала работать учительницей... Ну, вот и она. Я, сняв свою форменную железнодорожную фуражку, подаренную мне родственником матери на станции Акчулак, робко произнес: «Здрасте». И она, оглядывая меня, радостно воскликнула:

– О-о, сын почтальона! Здравствуй, здравствуй! Ты уже пятиклассник! Ах, как быстро летит время. Ты уже так подрост, милый!..

Ставшая и мне милой, любимой, как мать, Ядвига Ивановна Люц преподавала нам немецкий язык. Несмотря на все ее старания, наши успехи были очень и очень скромными. Она объясняла урок на русском, которым мы еще не успели овладеть. Таким образом, по-немецки могли произнести только несколько фраз, типа: «Ихь либе геноссен Сталин! Ихь либе ди Совет Арми! Майн фатерланд – ди Совет Унион»... Да еще выучили песню «Лорелей». Спустя много лет я крепко пожалел, что тогда не научился немецкому. Выучи я его, то открылась бы прямая дорога к немецкой классической литературе. В оригинале читал бы несравненного «Фауста» Гёте. А может, взялся бы и за прямой перевод его или других на родной язык?.. Да, это уже из области несбыточной мечты.

Нам, аульным детям, не только немецкий, но и русский язык давался с трудом. Меня особенно замучил род слов, его я путал со ртом. «О-о, у русских, оказывается, рты разные: мужской, женский... А что тогда средний?». Примерно так думалось мне тогда. Но спросить у учителя стеснялся. Первым преподавателем русского языка был карачаевец Али Хасанович Лайпанов. Импозантный мужчина средних лет, с пышными черными усами, чуть тронутыми сединой. В некоторой степени его лицо очень напоминало самого вождя Сталина. А Сталина обожали мы все. Называли его не иначе как Сталин-ата, то есть, Сталин-отец. Он тогда и в самом деле считался отцом нации.

При звучании или чтении этой фамилии, которую на всем свете носил только он сам и сын Василий, перед моими глазами оживает одна эмоциональная картина более полувековой давности.

5 марта 1953 года. Раннее весеннее утро было пасмурным и влажным. В воздухе – густая дождевая пыль. Я, тогда уже девятиклассник, живший в одиноком доме младшего брата отца Глебек-коке, сторожа забракованных овец колхоза, что находился недалеко от аула, в тот день почему-то не хотел идти в Буденновку, в школу. От ленности, что ли... В общем, самовольно предоставил себе однодневные каникулы. После пиалы кумыса, взяв одноствольное старое ружье шестнадцатого калибра и несколько заряженных патронов, вышел из дома. Недалеко было маленькое озерцо, образующееся весной из талых вод и пропадающее летом, в июльской жаре. Вот его иногда и посещали перелетные утки – лысухи. На сей раз сколько ни

ходил по берегам, не было видно ни одной. Разочарованный, возвращался домой. И вдруг какой-то крик. Оглядываюсь. По проселочной дороге кто-то скачет на коне. Скачет во весь опор, комы грязи кусками летят из-под копыт. И вот всадник машет черной широкополой войлочной шляпой. Такие носили обычно карачаевцы, которых немало было в Карасу... Ну, это же Ханафи. Шайтан-Ханафи, как его прозвали и стар, и млад, наверное, из-за безалаберности, легкости характера. А вообще-то он был хорошим, с открытой душой, мальчиком...

Теперь уже слышу:

– Эй-й, Аргынбай! Сталин ольди, Сталин ольди!..

Значит, умер Сталин... Какое-то непонятное чувство овладело мною. В горле появился комок... Неровно дышалось. Обычно краснолицый Шайтан-Ханафи показался мне каким-то очень бледным. Я молча быстро сел на коня, устроился позади него. И поскакали в сторону Буденновки. Только при въезде в нее замечаю, что у меня на спине болтается ружье, а карманы фуфайки полны патронами. Значит – забыл оставить их. Ну, ладно, теперь уже поздно... На полном скаку проехали половину Буденновки и на взмыленном коне остановились только в центре, на пересечении улиц Ленинской и Советской. А там уйма народу. У многих на глазах слезы, у иных вид человека, убитого горем. Из радиорепродуктора – белого алюминиевого колпака, что на вершине телеграфного столба, несется траурная музыка. Вдруг она прекратилась, начался траурный митинг. Начал его какой-то незнакомый мужчина, наверное, начальство из района, в черном кожаном плаще и в такой же фуражке, почти военной, только без красной звездочки. Говорил он то на русском, то на казахском, но одинаково эмоционально. После него на середину вышел одетый по-военному, только без погон, старший учитель нашей школы Дмитрий Григорьевич Михайловский, участник двух мировых войн, капитан, кавалер ордена Ленина. Его речь была очень доходчивой для нас. И мы все поневоле всхлипнули. А нас, школьников, было немало, где-то около тысячи пацанов и девочек. Старый воин-педагог тоже завершил свою речь рыданием. Таких слез на его лице я не видел даже тогда, когда недавно вся школа выразила ему соболезнование по поводу смерти сына – майора, служившего в Восточной Германии, в группе советских войск. Старик тогда держался. А сейчас – вот...

Уже больше полувека прошло после известного доклада Хрущева на XX съезде КПСС (кстати, сам докладчик при жизни Сталина восхвалял его до небес и перед ним иногда на кремлевских застольях плясал гопак). В мире не утихает спор по оценке Сталина. Многие называют его великим государственным и полководцем, иные не перестают называть тираном, деспотом и, наконец, параноиком. Нет устойчивого, единого мнения. Такового нет и в отношении Чингис-хана, эмира Тимура, императора Наполеона... И, пожалуй, их рано или поздно рассудит история. Но сможет ли она сделать это в полном соответствии высшему принципу справедливости в меняющемся мире с его многомиллиардным человечеством, у которого столько же разных взглядов? Нет, уж лучше судить самому всемогущему Богу-Аллаху рабов своих – великих и невеликих. Всех нас, без исключения. Так будет вернее и справедливее...

...Да-а, наш Али Хасанович хоть и был внешне похож на Сталина, но был абсолютно другим человеком. Сама доброта, истинный педагог. Делал всё, что от него зависело для пробуждения в нашем всё еще сыром сознании любви к

русскому языку. Делал методично. А если кто-то не слушался, отвлекал других, то порицал на смешанном карачаево-казахском языке. Видимо, считал, что так будет более понятно.

Через пару лет Лайпанова сменил другой учитель – Иван Павлович Прудников. Это был человек особого склада. Даже внешне. Он не был похож ни на одного русского, до сих пор виденного мною. Какое-то выхолощенное чистое лицо, ничуть не тронутое солнечным загаром. Всегда аккуратно зачесанные жидковатые русые волосы. Проницательные и в то же время спокойные синие глаза. Приятный баритон, музыкальный голос... Постоянно носил прекрасный темно-синий костюм, ладно сидящий на его солидной фигуре. Всё в нем говорило о его интеллигентности, происхождении из какой-то неизвестной для нас среды. Хотя многое в нем для нас было непонятно, тем не менее вскоре начали замечать, что учитель Прудников очень трудолюбив и последователен. Это он впервые научил нас конспектированию. Когда устную диктовку мы не успевали записать и допускали много ошибок, он весь текст сам писал на доске мелом. И почерк был замечательный. Помню, что я тоже стал подражать и выводить буквы каллиграфически. Когда он читал вслух стихи из русской классики, буквально преображался. Веяло от него вдохновением! Такое состояние учителя, наверное, вызывало у нас особый интерес к стихам. Я за одну ночь, многократно перечитывая при керосиновой лампе, выучил наизусть пушкинского «Узника», хотя, кроме слов «Орел молодой», многого не понимал. Сибирских руд, темниц сырых... тем более...

Через некоторое время до нас дошел и такой разговор: вот, мол, наш учитель – политический ссыльный, изгнан из Москвы... Отмечается в спецкомендатуре МГБ, у капитана Айходжаева... Через некоторое время мы потеряли Ивана Павловича из виду...

Спустя несколько десятилетий узнаю, что как раз в те же годы будущий нобелевский лауреат Александр Солженицын тоже как ссыльный находился в селе Бирлик нынешнего нашего Мойынкумского района. В школе имени Кирова учил наших сверстников математике и физике...

Эти предметы у нас вел Амир Тайпаков, добрейшей души агай. Он с такой теплотой отнесся к нам, и мы в ответ старались учиться на «отлично». И получилось. У меня по двум этим предметам были одни пятерки. Как-то Амир-агай даже сказал: «Аргынбай, ты будешь хорошим математиком». Но я не стал им. Причина... причина, может, была в приходе к нам в восьмом классе нового преподавателя Кадырбая Аманиязова. Недавно только переселившийся из Туркмении, он очень часто использовал туркменские слова. А я в таких случаях всегда задумывался: что означает это слово, какой его корень?.. Таким образом, постепенно от меня отстранились катеты со своими гипотенузами, различные математические формулы. А их место исподволь стала занимать словесность. Может, эта перемена в дальнейшем открыла передо мной путь к филологии, а через филологию в журналистику?.. Возможно. Но это все потом. А тогда, в пятом классе, вскружила мне голову древняя история. Преподавал ее директор школы Саршаев, уже пожилой человек, замечательный рассказчик. Как интересен этот древний мир! Египетские и греческие боги и богини... Фараоны, всякие Рамзесы, Аменхотепы... Интригующая Троянская война... Слушая учителя, помню, я, согласно своей детской интуиции и формирующимся принципам, начал давать

оценки героям по отдельности. Мне больше нравился Ахиллес, даже огорчился, что у него пята не защищена. А вот Париса сразу жутко возненавидел. Ну и сволочь, думал я, если он такой уж герой, почему бы ему не сразиться с Ахиллесом в честном бою, как наш Кобланды или Алпамыс, которые вражеских богатырей одолевали в открытых поединках?..

Да, детские помыслы иногда уносили меня в какие-то дали, временно удаляя из класса, с урока...

– Смирно! – такая короткая, жесткая команда не раз возвращала меня в действительность из какого-то загадочного мира, построенного собственной фантазией.

Командовал преподававший нам уроки по физкультуре, затем, в старших классах, и по военному делу, бывший командир эскадрона, сражавшийся и тяжело раненный на Донском фронте, старший лейтенант Ушаков. Николай Федорович был и внешне, и внутренне красивым человеком, истинно русским. Высокий, плечистый, в каждом словесном выражении и телесном движении чувствовалась огромная духовная и физическая мощь. Он – коренной буденновский, хорошо знал жителей и нашего аула, сносно разговаривал на казахском. Поэтому, наверное, к нам относился заботливо, были с его стороны и строгости, в конце концов приносящие пользу... Однажды мы, несколько пятиклассников, опоздали на урок. Было морозное зимнее утро. И Николай Федорович в строевом порядке повел нас на спортплощадку и скомандовал:

– Сто метров по-пластунски, марш!

Нам пришлось ползком пройти эти сто метров по глубокому, еще не тронутому снегу. Он воспитывал нас не только в физическом, но и в морально-волевом плане, приучал к выносливости.

Тут мне, забегая вперед, хотелось бы привести короткий диалог с сыном, состоявшийся недавно в Астане.

– Откуда у тебя коке, такая вот сила воли? – шутливо спросил он.

– Частично от Ушакова...

– От адмирала Ушакова?! – удивился он.

– Нет, от старшего лейтенанта Красной Армии Ушакова...

Он и его супруга, тоже фронтовичка, учившаяся на снайперских курсах вместе с будущим Героем Советского Союза Алией Молдагуловой, были гордостью нашей «Красной школы».

Николай Федорович не терпел малейшей несправедливости. Той же зимой был один такой случай. Рано утром я на коньках отправился на занятия. Вхожу в Буденновку. И вдруг на одном крутом повороте выходят навстречу мне трое мальчиков. «А ну-ка, сними коньки!» – орет один, выше остальных ростом. Не дав даже опомниться, двое скрутили мне руки, а оравший, сопя носом, быстренько расшнуровал коньки. Его я узнал – Кривой Ленька. Я, внутренне вскипев от такого нахальства и беспомощности своей, поплелся в школу. Что же делать? Этот вопрос страшно мучил меня. Предпоследним был урок физкультуры. Николай Федорович, обходя наш строй на спортплощадке, вдруг остановился напротив меня:

– А где твои коньки, я же ведь вчера предупредил, что будем проводить конькобежное соревнование?

– Отобрали их у меня, – промямлил я дрожащим от обиды голосом.

– Кто?! Кто отобрал? – уже строго спросил учитель.

– Кривой Ленька...

– Кривой или не кривой, коньки должны быть возвращены. Он один отобрал, что ли?

– Нет, их было трое.

– Та-а-ак, Исабеков, Аманкулов, Бекбосынов! Выйти из строя!

Мы сделали шаг вперед.

– Я освобождаю вас от занятий. Заберите у этих бессовестных коньки. Вы поняли меня? Завтра доложите. Всё. Идите.

Толен Исабеков и Сейсенбай Аманкулов – местные ребята, знают всех буденновцев. Кривого Леньку и его дружков мы подкараулили там же, на крутом повороте, затаившись за деревьями... Вот они идут, все трое. В середине – Кривой, довольный такой, на ногах – мои коньки. Мы вышли из засады. Увидев нас, ошеломленный Ленька сразу захныкал плаксивым голосом:

– Ой, не бейте, не бейте!.. – и начал быстро снимать коньки.

Когда он передал их мне, я правым коленом сильно поддал ему. Не сдержался.

И вообще, коньки в зимнюю пору были моим добрым транспортом. А иные, особенно фрунзенские ребята, ездили в школу на ишаках. У нас в доме тоже был ишак, черный, быстроногий, на котором в последние годы своей жизни ездил отец. Я его каждое воскресенье запрягал в небольшие сани и отправлялся ранним утром вместе с другими мальчишками в пески, что начинаются километрах в пяти-шести от Карасу. Там, на барханах, собирали тростник, жузген и коянуйек, это что-то вроде младших «сородичей» саксаула. Ох, как они хорошо горят в печке! Шипят, гудят, трещат и, самое главное, дают много тепла. Нам с матерью в доме сразу становилось уютно...

Вообще-то, я неплохо справлялся с заготовкой топлива. Даже дважды продавал на Буденновском базаре, каждый раз за сани топлива получая по три рубля. В итоге за семь рублей купил кожаный, черного цвета, портфель, который аккуратно носил до окончания школы...

Кроме такой пользы, наши походы в пески, в урочище Торангылы, приносили немалое удовольствие. Особенно по возвращении. Вот на горизонте большое-большое красное солнце щедро одаривает нас своими лучами, более мягкими и обильными, чем днем. Кругом песчаные барханы, как морские волны, а дальше широкая степь, вся в снегу, которая на равнинных местах кажется малиновой, теплой, а в низинах приобретает синий оттенок, вея холодом. Хочется петь. И пели казахские народные, широкие, как сама степь, песни с простыми, но глубокими пластами мысли. А познавать их нам помогали учителя Омар Сугиралиев, Латап Абдрахманова, Достай Есельбаев, Жумаш Тажибаев, Жанузак Бакибаев и Шеттикбай Иманкулов, за что мы вечно благодарны им...

Вечерние песни наши, которые я позже сравнивал с песнями есенинских ямщиков, заливали всю степь, долетали до аула, далеко опережая нас самих. Это были золотые дни, самые счастливые моменты нашей трудной послевоенной юности. А юность летела даже быстрее, чем наши песни. Мы выросли. Выросла новая поросль, у которой попросту не было детства. Оно было сожжено войной. Страшной, безжалостной, самой кровопролитной в истории человечества, огненное дыхание которой доходило и до Туймекента, до Карасу, опалая без разбора сотни и тысячи сердец.

III

...Вот из здания бывшей «Красной школы» выхожу я, бывший ученик, чуть помолодевший и в то же время чуть постаревший. Помолодевший от того, что с таинственной силой, заложенной в человеческую природу, прорвал преграды минувших десятилетий и встретился со своими друзьями юности, предстал перед нашими дорогими учителями. Слышал их незабвенные голоса... Постарел от сознания, что уже многих и многих нет на этом белом свете. Почти никого из наших учителей не осталось в живых... Давно нет и одноклассников Шахмана, Толена, Сейсенбая, Орынбая, Асылхана, Максута, Кенеса...

Изредка в Таразе вижу только с Амирбеком Дауреновым, который, став инженером-механиком, долгие годы работал на руководящих должностях, встречаюсь в основном в бильярдной. Встречаюсь также с Борисом Стародубцевым. Все еще бодрый, почти такой же, каким был и раньше: коренастый, крепко сбитый, спокойный, основательный. Наверное, эти свойства вывели его в начальники. Он в свое время успешно руководил Луговским и Меркенским районами. Кем бы он ни был, при виде его я почему-то постоянно вспоминал батарейца Тучина из толстовского романа «Война и мир». Я знал и его отца Тимофея, которого мой отец назвал «Темке». Был таким же крепким, коренастым. И не напрасно, наверное, весь их род носил и носит фамилию Стародубцев. Старый дуб... Этот вид дерева отличается необычайной крепостью и глубокими мощными корнями... Даже великий Толе би, вместе со своими братьями Казыбеком бием и Айтеке бием сумевший сохранить казахский народ от уничтожения в вековом нашествии джунгарцев, сказал вражескому вождю: «Мы, казахи, как старый, черный дуб, выстоим все бури!». Старый дуб... Стародубцев...

Я эту фамилию как-то вспомнил в Москве, летом 1997 года. А было это так. В Совете Федерации России был создан «круглый стол» с приглашением парламентариев стран СНГ. Тема – «Межэтнические отношения в СНГ». Хотя официально она называлась так, но с самого начала разговор коснулся в основном положения русских в постсоветских республиках. В этом, главным образом, задали тон не депутаты, а ученые из различных российских научно-исследовательских институтов и таких вузов, как МГУ, Университет дружбы народов, МГИМО и другие. Меня сразу заинтересовало и в конце концов привело в негодование выступление одного лысого, очкастого профессора. Выступил он эмоционально, даже несколько агрессивно. После распада СССР, говорил он, за пределами России оказались двадцать пять миллионов наших соотечественников. Из них пять миллионов – в Казахстане. И они сейчас терпят ущемление, притеснение и, наконец, унижение... В таком же ключе его дополнил и другой, более молодежавый ученый, в еще более резком тоне. Но никаких фактов и доказательств. В общих, клеветнических фразах...

Тут уже нельзя было промолчать, хотя вначале на вопрос модератора беседы, председателя комитета Совета Федерации, губернатора Курганской области о том, желаю ли выступить, я ответил отказом. Обидно было за свою страну. Взял слово. У меня накопело в душе, поэтому начал выступление резче, чем обычно.

«Прежде чем проявлять лжезаботу, – говорил я, – будет, наверное, логичным и последовательным точно определить само понятие «соотечественник». Определить на богоугодных принципах справедливости... Да, русских в Казахстане немало. Первые русские волею судеб появились и поселились на исконно казахской

земле еще в середине XVIII века. Сейчас на подходе XXI век. Сколько воды утекло с тех далеких пор на Иртыше, Тоболе, Ишиме и в Семиречье? Много, очень много. На их берегах сменились многие поколения русских. Пустили глубокие корни, как старый дуб. Сблизились, породнились с казахами. Десятилетиями, столетиями жили одной общей судьбой: вместе страдали, горевали в жестокие, вместе и радовались в добрые времена. Теперь спрашивается: чей соотечественник современный казахстанский русский с таким прошлым? Московского профессор или мой, вместе, рука об руку со мной старающийся делать все для настоящего и будущего нашего Отечества – Казахстана? Вдумайтесь, господа ученые! А что касается каких-то ущемлений этнических русских, это – полнейшая чушь! Наверное, некоторые выступившие здесь вообще не были в Казахстане после распада Союза. А если и были, то ходили с завязанными глазами и заткнутыми ушами, руководствуясь своими вредоносными идейками. Это к добру не приведет. Никогда.

Да, сейчас в финансово-экономическом плане тяжело жить в нашей стране. А разве легко в России?!

Но у нас никто не ущемляется в правах по национальной принадлежности. У нас все этносы абсолютно равноправны во всех сферах жизни. Равны перед Конституцией Республики Казахстан. Это – наша государственная политика, политика Президента Нурсултана Назарбаева. Она не изменится. Никогда...».

Очкастый профессор побагровел. Начал бубнить еще что-то. Но его больше никто не слушал...

...Старый дуб. Стародубцев...

– Живи, здравствуй на родной земле, мой дорогой одноклассник, одноклассник Боря, теперь уже Борис Тимофеевич, сын аксакала Темке!..

* * *

И все же интересный характер у нашей реки Талас. Позволяет себе много причудливых изгибов. Вот она, только успев попрощаться с крайней улицей огромного нового Туймекента, резко поворачивает на запад. А там, во-он, на левом берегу, в дымчатой синеве горизонта виднеется не очень высокий холм. Он уже два с половиной столетия носит имя моего предка Косы батыра Самбетулы, который почти пятьдесят лет боролся с иноземными захватчиками и завершил свой славный боевой путь в качестве тысячника в знаменитой Анрахайской битве. Там был сломлен хребет врага.

– Мой сыновний поклон тебе, великий Ата! Низкий поклон вам, земля родная, родной Туймекент!..

